

«Сделайте милость, — спросил кардинал, — скажите, чего бы вы потребовали сначала? Ибо вы не осмелились бы удовлетворить наше первое требование о поклонении кресту, принятое без труда в предустановленный вами срок». Обинье ответил: «Для блага мира мы воздадим кресту почести, какими он пользовался когда-то; но вы не посмеете не говорить уж разрешить в нашу пользу, но даже обсудить наш первый вопрос: восстановить власть папы в том виде, в каком она существовала те четыре века; для этого мы дали бы вам еще двести лет, так сказать, на мелкие расходы». Кардинал, когда-то отравленный в Риме и вернувшийся оттуда в гневе, воскликнул: «Это надо сделать в Париже, если нельзя в Риме».

Этот разговор был отложен. Обинье вернулся в королевский кабинет, не надолго остановившись по дороге, чтобы поговорить с президентом Ланглуа. По приезде король спросил его, видел ли он своего друга и что они обсуждали. Когда в кабинете, полном вельмож, Обинье рассказал о своей беседе с кардиналом, у короля вырвалось: «Почему вы сказали господину кардиналу по поводу Халкидонского собора, что уступите ему, когда вопрос будет обсуждаться, но не сейчас?» Обинье ответил: «Если по истечении предоставленных им четырехсот лет католические богословы потребуют еще пятьдесят, — это будет молчаливым признанием, что четыре первых века были не за них». При этих словах несколько кардиналов и иезуитов, находившихся в кабинете, стали громко возмущаться, и граф де Суассон, которому они шепнули что-то на ухо, заявил во всеуслышание, что нельзя произносить столь вредные речи. Король понял, что оскорбил их, и недовольный тем, что кардинал сообщил об этой частной беседе до приезда Обинье, повернулся к последнему спиной и прошел в покои королевы.

Через несколько дней государь, которому посоветовали арестовать или убить человека, помешавшего делу соглашения (потому что с тех пор оно больше не обсуждалось), сказал герцогу де Сюлли, что этого сварливого путаника надо посадить в Бастилию и что «найдется достаточно оснований, чтобы возбудить против него судебное дело».

Однажды вечером госпожа де Шатийон¹⁰⁴ послала за Обинье, желая сказать ему несколько слов. Заклиная его молчать и не губить ее, она просила его уехать этой же ночью: он может быть уверен в своей гибели. Обинье ответил, что помолится и поступит, как внушит ему Бог: так он и не принял ее совета. И вот рано утром он отправляется к королю, в небольшой речи напоминает ему о своих заслугах и просит пенсию, чего раньше никогда не делал. Король, очень довольный, что в этой душе обнаружилось кое-что от наемника, целует Обинье и удовлетворяет его просьбу. На следующий день, когда Обинье отправился в Арсенал, герцог де Сюлли повез его посмотреть Бастилию, клянясь, что она больше не опасна для Обинье, но только со вчерашнего дня. В